

Семен
ЛОПАТО

МЕРТВЫЕ ВИДЯТ ДЕНЬ

Семен Лопато
Мертвые видят день
Серия «Городская проза»

<https://litres.ru/51835785>

*Мертвые видят день:
ISBN 978-5-17-121154-7*

Аннотация

<p>В яростной схватке у берегов северной Норвегии советская подводная лодка и эсминец гитлеровских кригсмарине уничтожают друг друга. Попав в загробный мир нордической Валхаллы, капитаны кораблей отказываются примириться. И теперь по законам северных богов им предстоит долгий и смертельно опасный путь к престолу Вотана, где они вступят в последний поединок, итог которого определит победителя в противостоянии России и Германии...</p>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Семён Лопато

Мертвые видят день

© Текст. Семён Лопато, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

С чего начать, боже мой, с чего же начать...

Это утро началось с принятой мною радиограммы – чуть помятый листок с бессмысленным набором букв лег на стол перед старшим помощником. Обшарпанный стальной шкафчик, запертый на ключ, стоял по правую руку от него на столе; отперев его и достав шифровальную машину, он, глядя в листок, быстро набрал на клавиатуре первые два десятка букв, машинка заурчала, буквы из радиограммы она подменяла другими, соответствие между буквами менялось с каждой новой радиограммой по сложному псевдослучайному закону – синхронно в шифровальной машине, стоявшей перед старпомом, и шифратором центрального передатчика в главной базе флота в Полярном. Взглянув на то, что получилось, почти без паузы выключив машину и оборвав выползшую из нее бумажную ленту, тем же быстрым механическим движением старпом вернул машинку обратно в шкафчик, заперев его. На слегка свернувшейся ленте тесным неровным оттиском видны были мелкие, как-то по-готически остро отпечатавшиеся буквы.

«24 сентября 1942 г. Командиру корабля...»

Дальше расшифровывать было бессмысленно – в ответ на вводимые знаки машина выдала бы другую, но такую же ха-

отическую последовательность букв. Надпись «Командиру корабля» означала высший приоритет сообщения, расшифровать все дальнейшее мог только командир – с помощью другой, своей собственной шифровальной машины. Чуть повернувшись к штурману, тут же в тесноте центрального поста склонившемуся над картой, старпом на мгновение встретился с ним взглядом, в следующий миг с чуть заметной усмешкой услышав то, что, кажется, и сам готов был сейчас произнести.

– На размагничивании.

На мгновение прикрыв покрасневшие глаза и сдавив пальцами веки, он мельком взглянул на меня.

– Быстро за ним. С Пантелеевым.

Спрятав радиограмму в сейф в радиорубке, быстро поднявшись через боевую рубку на мостик и спустившись по заменявшим лестницу скобам, я спрыгнул на палубу лодки. Пантелеев вместе с двумя другими матросами возились у орудия; махнув ему, я прошел на корму. Надувная двухвесельная шлюпка покачивалась со стороны берега; забравшись в нее и отвязав фалинь, я дождался, пока Пантелеев, севший на весла, стал грести к берегу, туда, где в паре кабельтовых от нас у дощатого причала на деревянных сваях теснились лодки и рыболовные катера. Ветер набегал с моря, резкий и проворный, но без зла и холода, не такой, каким был лютый мертвящий ветер Мурманска и Полярного, а казавшийся лишь смутным предвестием дальней беды, быст-

рым дыханьем и продолжением рваных серых небес, низко, мутно накрывавших эту забытую богом и дьяволом рыбацкую деревушку среди изрезанных скал Северной Норвегии.

Причалив, по каменистой дорожке мы поднялись наверх, Пантелеев шел быстро и уверенно, подойдя к дощатому одноэтажному домику с двускатной крышей, неотличимому от десятка других, он остановился у двери, вытащив папиросу и с ухмылкой кивнув мне; потянув ручку – похоже, дверей здесь не запирали, – я сделал несколько шагов по коридору, «размагничиванием» называли увольнение личного состава на берег – в Полярном или в таких же маленьких деревушках, в бухточках против которых останавливались изредка подводные лодки, пережидая шторм, но запрет схода на берег в норвежских поселках был одним для всех – и нарушался – Вагасковым и, быть может, еще двумя-тремя командирами из числа наиболее отчаянных и наиболее удачливых, о чем, как говорили, начальство знало, хотя и не показывало этого.

Увидев чуть притворенную дверь, мгновенье поколебавшись, я открыл ее, белое плечо спящей девушки блеснуло навстречу мне в неподвижном утреннем свете, еще невидяще подняв голову, разглядев меня, Вагасков быстро сделал знак выйти, появившись спустя минуту, при слове «радиограмма» разом двинувшись к выходу, он зашагал впереди меня; с трудом поспевая за ним, мы спустились к причалу и сели в шлюпку. Достигнув лодки, вслед за Вагасковым я со-

шел в центральный пост и передал ему радиограмму; на минуту скрывшись в командирском закутке за занавеской, он вышел с листком расшифровки; услышав: «Боевая тревога. Корабль к походу приготовить», старпом и вахтенный пришли в движение – слабое предвестие того движения, которое должно было сейчас начаться по всей лодке – перед тем как вернуться в радиорубку, чтобы дать отбивку о получении приказа, я бросил взгляд на листок, белевший сейчас на откидном столике перед штурманом.

«В квадрате dX6W замечен эсминец типа 34. Направление: север. Скорость: 12 узлов. Немедленно самым полным ходом следуйте в квадрат qX14W, займите зону патрулирования от точки F2 до точки P2 – SF-HbU»

Меридианная линия 14W была границей разделения при охране конвоев, все, что к западу от нее, было зоной ответственности англичан, к востоку – нашей. Сообщение означало, что не менее суток назад из Нарвика вышел немецкий эсминец, скорее всего, на перехват конвоя, возможно, в дополнение к группе судов, выдвинувшихся раньше; двигаясь в надводном положении, выжимая все возможное из дизелей, его, вероятно, можно, еще можно было перехватить.

Передав сообщение на базу, слыша топот дизелистов, бросившихся из кубрика в машинное отделение, я знал и чувствовал все, что происходит сейчас на лодке – проверка масляных фильтров и редукторы, насосы охлаждения и топлив-

ная система, турбокомпрессоры и валопровод, проворачивание дизелей и пробный пуск через разобшительную муфту, а потом с прямой подачей на винт, наконец, услышав: «Левая машина – стоп! Правая машина – малый вперед! Руль круто на левый борт!» и ощутив мощную дрожь, разом прокатившуюся по лодке, я машинально взглянул на корабельные часы – медленно разворачиваясь и покидая залив, лодка выходила в море. Откинувшись к железной спинке стула, я закрыл глаза.

Идет война. Где-то там, среди каменного крошева и огненной пыли на улицах Сталинграда немецкая пехота рвется к Волге, где-то там, подобно французам и немцам, сражавшимся месяцами под Верденом за избушку лесника, наши и немцы сражаются неделями за развалины того, что было когда-то чьим-то жильем, школами и универмагами, там, именно там, как вторят друг другу газеты и радио, решается сейчас, куда качнутся страшные весы. Немцы помнят Верден, немцы разумны и просеивают все сквозь сито логики и аналитических схем, немцы методичны и не желают потерь и поэтому немцы не штурмуют городов, немцы окружают их и берут в кольцо, давая подрубленным деревьям рухнуть самим, и если Сталинград до сих пор не взят и вопреки всем правилам идут уличные бои, значит, что-то пошло не так, значит, искрошились и застопорились попытки обойти город с севера и с юга, но немцы настойчивы, немцы все доводят до конца, и, значит, именно там, к северу и к югу от города,

среди приволжских степей и высот, где есть, где развернуться танкам и артиллерии, идут сейчас главные бои и жгут друг друга танковые корпуса, там схватились главные силы и там решается все.

Так, наверно, рассудил бы мой отец, и сейчас один, один на всем белом свете, я вспоминаю его, всегда серьезного, задумчивого человека, среди полок с подшивками «Русского инвалида» и «Военного вестника», с русскими и немецкими изданиями фон Рюстова, Шлихтинга и Михневича, готовящегося к лекциям, которых он уже никогда не прочитает, вспоминаю каменное месиво и пыль на месте нашего дома, куда я вернулся после того, как утром, на третий день бомбежек Минска, услышав на улице «Комаровку разбомбили», кинулся на улицу Куйбышева, в надежде узнать, что случилось с Ликой, и не нашел ничего, кроме пустоты и пожаров, которые никто не тушил. И когда гул раздался снова, и, словно отвечая ему, закричала какая-то невидимая женщина, и, не зная, кого и о чем спрашивать, слыша, что гул не приближается, что, словно осваивая новое для себя место, он обосновывается, настойчиво топчется и вгрызается в землю, перебиваемый нарастающим уханьем, где-то там, на окраине, я пошел назад, переходя на бег и, запыхавшись, снова на шаг, и в странной тишине, оставленной ненадолго улетевшими самолетами, вбежал на нашу улицу и увидел единственную устоявшую стену с приваленными к ней кучами расколотых дымящихся плит. Потрескивало, догорая, деревянное

здание поликлиники рядом, и кто-то что-то говорил вокруг, хотя самих людей как будто и не было видно, и отец и мать, вероятно, были там, под плитами, и с этого момента в городе, где, казалось, всем и каждому до всего было дело, где все было дружно и весело, что-то невидимо распалось, и в новой страшной жизни каждый оказался сам по себе. Беженцы беспорядочными толпами шли на восток и, не так уж, наверно, важно, что было дальше и как в конце концов я оказался в Мурманске, где работал инженером в порту двоюродный брат отца, и как я узнал, что его уже месяц нет в городе, и как на набережной, не зная, куда и зачем теперь идти, встретил тогдашнего сигнальщика Божкова, который привел меня домой, накормил и утром отвел к Вагаскову, сразу все понявшему, без лишних расспросов определившему меня юнгой.

Юнги на подводном флоте не положены. Много не положено. Не положено терять отца и мать в пятнадцать лет, не положено за четыре месяца отдавать половину страны врагу, которого двадцать лет назад, когда он был свежее, резче и сильнее, за четыре года не пустили дальше Риги, не положено подводным лодкам идти днем в надводном положении, что делали мы сейчас, потому что иначе невозможно было достигнуть вовремя расчетного квадрата, не положено было зачислять меня юнгой, но, наверно, тогда уже Вагаскову было позволено чуть больше, чем другим – через полгода меня отправили в школу радиотелеграфистов, и теперь здесь, в радиорубке, рядом с центральным постом и крошечной ка-

морской командира был мой мир и было мое место.

Лодку тряхануло, рев дизелей от глухого гула возвысился почти до визга, это значило, что, выйдя из бухты, лодка взлетела на первую высокую волну, так что выпускные отверстия обнажились, оказавшись в воздухе, дрожь и грохот прокатились по лодке, странно провисли на проводе, отклонившись от трансивера, воткнутые в него наушники; медленно и тяжело падая с волны, лодка вновь зарылась носом в водяную толщу, звук дизелей сорвался в грохот и рык, дизельная гарь достигла рубки; поднимаясь и приседая, ударяя, рушась носом в просевшую водную пустоту, лодка шла через море. Видя, как рубка закручивается вокруг меня, когда боковые волны били в лодку, как в бубен, слыша неритмично, неотступно сменявшие друг друга звуки: перестук – рокот – рев – вой – свист – перестук, – смешанные с потусторонней кабафонией воды снаружи – удары, скрип, мяуканье, рыдания, хрип, шипенье, дыша выхлопами дизелей, держась за привинченную к полу аппаратурную стойку, наклоняясь, взлетая и опускаясь на металлическом стуле, подбираясь и обмякая, я сидел, то закрывая глаза, то глядя на мутно блестящие индикаторы трансивера. Голова стала тяжелой от дизельных газов, ветер срывался со встречного на боковой – судя по тому, как раз за разом заваливалась набок лодка и кренилась вместе с ней рубка, пока рулевой не выправлял курс, уходя от бокового удара.

Радисты на лодке работают, сменяясь – как любой в эки-

паже; когда акустик сменил меня, я прошел, шатаясь, в носовое отделение, верхняя койка, которую я делил с одним из мотористов, была уже свободной, два гамака свисали рядом, запасные торпеды, ни одна из которых еще не была заряжена, громоздились на полу, занимая место одной из поднятых нижних коек, тяжелые крышки торпедных аппаратов зеленели в головах, электрический свет заливал каюту. Шесть часов сна – в дизельной гари, с минутными замутненными пробуждениями в стуке открывающегося и захлопывающегося люка, в дрожи и тряске, в непонятном шуме сменяющихся голосов и сбивчивом движении торопливо протискивавшихся мимо тел. Когда я вернулся в рубку, волнение в море чуть стихло, лодка мерно взлетала и приседала на волнах, прошло еще три или четыре часа, пока по командам, доносившимся с центрального поста, по быстрым переговорам не стало ясно, что мы наконец достигли расчетного квадрата и что горизонт чист, еще через час командир, кажется спустившись с мостика, скомандовал погружение. Сонар чувствительней глаза, сонар способен уловить шум машин и шум винтов на расстоянии, намного превышающем радиус прямой видимости на поверхности – сейчас, когда под скороговорку команд и трель звонков стопорились оба дизеля, перекрывались их выпускные трубы и воздухозаборники, ведущие валы гребных винтов переключались с дизелей на электродвигатели, и с грохотом рванулся воздух из цистерн плавучести, акустик становился главным человеком

на корабле – лодка нырнула носом вниз, включился ровный гул электромоторов, глубинные рули, приподнявшись из положения круто вниз, скорректировали носовой дифферент; услышав с центрального поста: «Лодка удифферентована» и «Подняться на перископную глубину», я знал, что акустик в своей камере, в ореоле наушников крутит сейчас ручку своего прибора, надеясь нащупать какой-то звук и точной настройкой уловить пеленг.

Тишина. Тишина в сонаре и глухое гуденье электромоторов в отсеках. Волны на глубине двадцать метров толкали лодку, спихивая ее с курса и совсем дурным при такой качке должен был быть сейчас обзор из перископа. И прошло еще два или три часа – два или три часа в переменчивом гуле двигателей и мутной болтанке, прежде чем неожиданной силы волна бросила лодку в сторону и потянула за собой и послышался голос высунувшегося из рубки акустика.

И тогда все началось.

– Четыре румба справа по борту – шум винтов!

– Докладывать пеленг раз в две минуты.

– ...шум винтов на трехстах сорока градусах – удаляется!

– Рулевой, курс?

– Курс – двести девяносто.

– Круто право руля! Курс – тридцать пять. Продуть носовую цистерну. Рули – на всплытие!

След был взят – поняв, что корабль уходит, бросаясь за ним, желая визуального контакта, понимая, что при таких

волнах скорее всего не заметит его вовремя в перископ, Вагасков поднимал лодку в позиционное положение – почти всплыв, под самой подошвой волн, так что над водой возвышалась только рубка, резко прибавив скорость, лодка буравила рванину волн, удар воздуха прокатился по отсекам – открыв люки, вахтенный взлетел на мостик, первый пласт воды, перелетев через ограду мостика, рухнул в центральный пост.

– Видна мачта судна. Расстояние – тридцать кабельтовых. Дыма не наблюдаю.

Кто-то из матросов, скрючившись из боевой рубки, повторял выкрики вахтенного на мостике, скорым усиливающимся эхом слова падали в центральный пост.

– Это не пароход!

– Виден силуэт судна. Эсминец типа «34» или «36».

– Всплытие!

Атака носовыми торпедными аппаратами – идя параллельно с целью, догнать ее, обогнать, развернуться к ней носом, мгновенно – расчетами или с помощью торпедного прицела решив «торпедный треугольник» – выискать точку впереди по курсу цели, в которую после залпа придут одновременно цель и торпеды – но сначала догнать – эсминец шел обычным ходом десять-двенадцать узлов, иначе мы б давно потеряли его, электромоторы уже не годились, даже на максимуме, на пределе они могли дать ровно столько же.

– Носовые рули – вверх до упора, задние – на пять граду-

сов. Продуть балласт. Выровнять давление!

– Дизели – к запуску. Электродвигатели стоп! Переключить приводы. Дизели – полный вперед!

Выжать из дизелей все, что можно, догнать эсминец, идя на форсаже – пока эсминец не заметил нас, пока, имея максимальные тридцать восемь узлов, не развернулся и не уничтожил нас – артиллерией или глубинными бомбами, если мы уйдем под воду, вниз.

– Обе машины – самый полный вперед!

Двадцать узлов можно держать час-полтора, не больше, потом сгорят подшипники и рухнут машины – зная корабль, помня, что такое вахты в машинном отделении, я видел, как в заполненном парами масла отсеке, в дыму, разъедающем глаза, под грохот и звон, где штанги толкателей по бокам двигателей, бешено бьась, сливались в размытые пятна, мотористы, мечась, подкладывают под дико стреляющие клапаны куски проволоки, отвертки и все, что попадалось под руку, чтобы машины не разнесли сами себя, как дым через клапаны заполнял отсек, скрывая людей и манометры с дроно дергающимися стрелками, вибрация и шторм ломали лодку; высунувшись в проход, акустик кричал, что ничего не слышит.

Сорок минут погони, пятьдесят минут, час десять минут.

– Цель в двадцати кабельтовых, курсовой угол двести шестьдесят пять.

– Лево на борт!

Лодка развернута на девяносто градусов, дизеля заглушены, валы винтов вновь переведены на электромоторы, лодка в позиционном положении, нос притоплен, чтобы торпеды, вылетев, не шлепнулись на волну, электромоторам дан малый ход.

– Носовые аппараты – товсь!

Волны перебивают шум винтов, рулевые-горизонтальщики застыли, готовые мгновенно переложить рули в момент, когда лодка, выпустив торпеды и потеряв вес, всплывет с дифферентом на корму.

– Носовые – пли!

Лодка дернулась, словно матка, выбросившая плод, торпеды веером ушли в синеву, старпом и вахтенный на центральном посту, скачущие секундные стрелки хронометров.

– Сто секунд – нет попадания.

– Сто двадцать секунд – нет попадания.

– Сто сорок секунд – нет попадания.

– Цель сманеврировала!!

– Погружение!

– Перезарядить носовые!

– Следовать на перископной глубине!

– Курсовой угол цели?

– Цель не фиксируется.

– Панорамный осмотр.

– Цель не фиксируется.

– Какого черта?!

Смятение на центральном посту, прерывистое гудение мотора перископа. Невольно дернувшись, вытянув шею, я слышал, как Вагасков, метнувшись, оттеснив старпома, сам прильнул к окуляру перископа, вглядываясь в налетавшие ключья рваных водяных простынь, нетерпеливо давя педаль, поворачивающую колонну перископа, сжимая выдвигающую рукоятку, судорожно выискивая в разрывах волн изменчивый, дробящийся, пропавший силуэт эсминца.

Эсминец сманеврировал – значит, он видел нас, значит, видя торпедный след, он расчетливо и хладнокровно притормозил ход, пропуская торпеды перед собой, притормозил плавно и виртуозно, возможно начав маневр еще до пуска, предвидя его, выманив, обхитрив нас, заставив потратить торпеды, играя с нами как кошка с мышкой – его капитан – сам дьявол, искусный азартный игрок, способный рискнуть и поставить все на карту – обманчиво исчезнув и незримо присутствуя, он быстро и расчетливо подбирается к нам, отработав группировавшись, готовясь нанести удар.

– Где он, черт возьми, где он?

– Вот он!!

– Угол сто семьдесят!

Угол сто семьдесят – значит, эсминец позади нас, быстрым полукругом, прикрываясь штормом, как и мы раньше, он обошел нас, мгновенно он приближается – чтоб забросать нас глубинными бомбами, быть может, на миг потеряв нас из-за малого расстояния, точно не зная, где мы.

– Дистанция до цели – пять кабельтовых.

– Кормовые аппараты – товсь!

– Командир – близко, накроет!

– Рулевой – румб влево!

– Три кабельтовых.

– Командир – нельзя, накроет!

– К черту! Кормовые – пли!

Корма дико взлетела, неразбериха и голоса, крики, шум и судорожное движение на центральном посту.

– Пять секунд – нет попадания!

– Семь секунд – нет попадания!

– Десять се...

Удар, лодка отброшена в сторону, мрак, мигание, снова свет, свист откуда-то выносящегося воздуха, шипенье и скрежет.

– Вахтенный – глубина?

– Рули не регулируются!

Снова удар, звон разлетающихся стекол манометров, скрип и шипенье, лодку мотает как не мотало никогда раньше, вскрики, стук поваленных тел.

Вдруг резкое затишье, словно какая-то сила разом уравнировала лодку, больше нет болтанки – бросив рубку, я протиснулся на центральный пост.

Штурман, старпом и вахтенные, поднявшись, быстро оглядываясь, вокруг командира, ясный свет и неожиданная тишина, ровно светят лампы.

Оцепенение и неподвижность, Вагасков, неотрывно, при-
мороженно прильнувший к окуляру перископа, со сгорб-
ленными плечами, словно видя что-то дико ошеломляю-
щее, обездвиживающее, заставляющее стыло-намертво при-
кипеть к перископу.

Смятенно, ошеломленно оборванное движение старпома
к нему.

– Что там?

– Там ничего. Там – небо.

Отшатнувшийся от окуляра Вагасков, старпом у пери-
скопа, быстрые движения перископа вправо и влево, опу-
стошенность, склонившийся к перископу штурман, замеша-
тельство, растерянные взгляды – видя перед собой брошен-
ный бесхозный перископ, я подошел к нему, бездумно при-
льнув к окуляру.

Ярчайшая синева, свет и простор, пространство, воздуш-
ная беспредельность и беспредельное движение, лодка уже
не плывет, а летит в бескрайнем небе, ощущение неудержи-
мой высоты, парения, подъема, взлета – оттеснивший меня
штурман вновь неотрывно приник к окуляру, ожидание, рас-
терянно-нетерпеливые взгляды, направленные на него.

– Вода! Поверхность!

– Где?

– Сверху! Над нами!

Метнувшийся к перископу Вагасков, быстрый поворот,
легкое сотрясение, скрип корпуса, странное ощущение мед-

ленного неудержимого движения.

– Всплываем!

Странный приглушенный рокот снаружи, мертвые неподвижные стрелки приборов, легкое, затем ясное ощущение всем телом, что лодка начала подниматься, нарастающая дрожь корпуса, толчок, легкое покачивание, затем тишина, быстро, страшно распрямившийся Вагасков, так же стремительно сменивший его штурман приник к окуляру.

– Боевая рубка чиста. Лодка на поверхности!

– Выровнять давление!

Вахтенный, взлетев в рубку, открывает люк, боль в глазах от мгновенно понизившегося давления, шум свежего воздуха, врывающегося в лодку, быстро поднимающийся через рубку на мостик Вагасков, секундная пауза, все остальные устремившиеся вслед за ним.

Свет и пространство ударили в глаза, несколько человек на мостике; поднявшись, стремительно оглянувшись, широко раскрытыми глазами смотрел я на ясную зелень берега и мутную громаду гор вдали, на желтевшую впритирку к борту лодки широкую волнистую отмель, бежавшую вдоль берега, который, уходя в обе стороны, изгибаясь, терялся в дымке, на неоглядную синь океана за спиной и набегавшие волны, на темно-серый наклонившийся корпус эсминца вдали у отмели – с зияющей огромной дырой в носовой части, и высокое, без птиц небо – ветер легко стлался над морем, люди небольшой темной группой стояли вдали на берегу.

Словно повинуюсь какому-то несуществующему сигналу, люди, поднявшись на мостик, спускались на палубу лодки и оттуда, по борту – прыгивая – на отмель; столпившись бесформенной черной массой, на мгновение остановившись, они пошли за Вагасковым, медленно поднимавшимся по зеленому некрутому склону, туда, где стояли ожидающе несколько темных неподвижных фигур – стоявший на шаг впереди других статный морщинистый человек в длинной суконной куртке и мешковатых брюках, заправленных в кожаные сапоги, с грубым, некрасивой работы мечом у пояса мгновение ожидающе смотрел на остановившегося в нескольких шагах Вагаскова, словно что-то спокойно всезнающе читая в его лице, уверенно видя в поднятых на него пытливо смотрящих черных глазах.

– Хороший бой? – внезапно по-русски спросил он.

Мгновение Вагасков смотрел на него.

– Да.

– Идите за мной.

Вверх по склону нестройно мы двинулись за ним, человек шагал широко и уверенно, в тот миг, сначала, он показался мне каким-то старостой норвежских рыбаков, живущим, сохраняя традиционный порядок, по старинным обычаям, вдали от цивилизации – по какому-то странному волшебному наитию знающим русский язык – еще десяток шагов вверх по склону – ширь открывшейся равнины впереди, длинные, грубо сколоченные столы, поваленные лавки, костры, люди –

в разных одеждах и в разных мундирах, грубых, выцветших и линялых, оружие – заботливо вычищенное и беспорядочно сваленное, непрерывное движение людей, грубое, почти веселое – среди туманной зелени и темных раскидистых деревьев, серые пологи шатров виднелись у чернеющей вдали рощи, дымы костров поднимались к небу.

Свободно бросив взгляд в сторону гульбища, человек резко, круто повернулся к нам.

– Идите к ним, там ваше место. Скоро стемнеет, решать и говорить не время. Завтра я все скажу вам, а вы – мне. Завтра для вас все закончится и все начнется.

Словно что-то заметив, он на мгновенье остановил взгляд на Вагаскове.

– Хотите что-то спросить?

– Да. Откуда вы знаете русский язык?

Отведя взгляд, человек мгновенье бесстрастно, холодно смотрел куда-то в сторону.

– Я не знаю русского языка. Здесь все понимают друг друга.

Повернувшись, он пошел прочь. Повсюду, вокруг, медленно матросы команды в тихом оцепенении шагали туда, к кострам, их спины чернели – вниз, по откосу; мгновенье напряженно глядя им вслед, остановившись, опустив глаза, словно что-то быстро уяснив для себя, Вагасков вдруг коротко обернулся, глядя в землю, не глядя на стоявших рядом.

– Все, кто слышит меня. Что бы ни случилось – сейчас и

ночью, завтра с рассветом всем собраться – там, у лодки. Все поняли меня?

– Есть, командир.

Как все, с остальными я сошел на равнину, люди в поношенной, грубой одежде – кругом, за дощатыми столами, шум, крики и что-то грубое, перемешанное на столах; увидев рядом с собой пустое место за столом, я опустился на скамью, седой массивный человек напротив, отложив нож, резко вскинув глаза, мгновенно держал меня под понимающе-тяжелым, казалось, все цепко схватывающим взглядом.

– Сражался на море?

– Да.

– Морского волчонка ни с кем не спутаешь. – Словно чем-то довольный, он поднял на меня глаза снова. – На железных кораблях или на деревянных?

– На железном.

Сидевший рядом, чуть заметно усмехнувшись, смутно посмотрел в сторону.

– Какая разница. Теперь все забудется.

– Какая разница, да... – человек усмехнулся, – те, кто пришел с железных кораблей, все равно сражаются здесь нашим оружием – они не хотят видеть своего. Как-то мне пришлось грести два дня, не сменяясь, а потом сразу махать топором на берегу – и у меня пропал сон. Я ходил, ел, потом наши привели каких-то девок – я помню, как одна сидела на мне и ее груди толкались мне в лицо – я сказал ей, что не сплю три

дня, и она засмеялась – теперь ты точно заснешь – но я не заснул – я ходил, ел, рубил для костра сучья, светило солнце, все было как обычно, только всего было как-то много и хотелось, чтобы все это, наконец, исчезло или исчез я сам. А потом я вдруг понял, что то, что только что было со мной, не могло быть, что это был сон, и тогда я успокоился, повернулся на другой бок и уснул по-настоящему. Здесь есть все, что пожелаешь, но с каких-то пор я стал чувствовать, что мне чего-то не хватает. Сначала я думал, что не хватает солнца, но это чушь, мне плевать на него. А потом я понял – мне не хватает настоящей смерти. Чьей-то – а может быть, моей собственной. Так устроен человек – даже когда получит все, что хочет, ему будет чего-то не хватать, и, возможно, именно того, что разрушило и убило бы его. Запомни это, волчонок, и не радуйся слишком тому, что увидишь, потому что рано или поздно это случится с тобой.

Человек рядом, морщась и скучая, отвернулся.

– Брось, далеко не с каждым это случается. Иные машут мечами в свое удовольствие и всем довольны.

– Всем довольны, да. Есть и такие, что довольны. – Человек быстро, пристально посмотрел на меня. – Но не этот. – Он тяжело, хищно прищурившись, усмехнулся. – Этот будет, как я.

– Не верь ему, не верь никому, они лукавы, они пугают тем, что любят, а сами только рады ухватиться за кусок, который им кинули – за эту возможность жить вечно.

– Локи! Локи на камне!

Возгласы усилились, перекрикивая гомон; о чем-то спорившие за моей спиной, так, что крики раздавались над ухом, умолкли, ропот стих; обернувшись туда, куда были устремлены взгляды всех сидевших за столом и всех, кто был вокруг, я подался вперед, вглядываясь сквозь дымку – над дымом костров, в грязно-красных бликах угасающих огней все тот же статный морщинистый человек с грубым мечом у пояса, стоя на нависавшем над равниной черном скелете камне, поднял руку, словно собираясь сказать что-то, голоса оборвались, в рухнувшей тишине, сквозь сип ветра стали слышны его слова.

– Вечер. Вечер души вашей наступил навеки. Знайте, что он будет тяжким, но не бойтесь этой тяжести, потому что все лучшее, что было в вашей жизни – и еще лучшее – открыто вам. Многое и черное осталось позади, многое перемешано, но все было так, как предначертано, таков закон, куда – в какую жизнь – ни бросишь взор, везде он, везде одно – мечи, мечи, мечи. Все мы рождены убивать – кто не убивал, тот не жил, этот мир не остановится никогда, от убийства до убийства живет человек, лишь один выбор дарован ему – подставить шею, склониться в ничтожестве – или убивать. Обращая во прах, мы избегаем праха, лишь сражаясь, живет человек, низко и презренно все, приносящее радость – вино и богатство, и ласки дев – хоть хороши и они – наверно, наверно хороши. Презренны двуличие, жадность и ложь, так сра-

жайся, ибо меч прямодушен, сражайся, ибо меч не скупится, сражайся, ибо меч не солжет. Нет другого выхода, нет другого способа смыть и низвергнуть пороки, уйти от черного сна жизни, так сражайся и убивай, ибо другого пути нет и не будет. Так смотрите же вперед прямо, ибо вы достигли того единственного, что можно достичь, единственной правды, единственного в мире доступного счастья, посев сжат, ход открыт, вы – гости богов, порог мечей, крест снов, предел света, Валхалла. Вы те, кому дано право вечно сражаться и вечно убивать – ибо в мире, что создан для людей, не может быть ничего лучше – и другим он не будет – так славьте богов и принесите им жатву – сегодня, завтра и всегда, принесите им себя – как боги, погибнув когда-нибудь, принесут себя вам, дайте им свет, дайте им крови, кровь – наш дар, других денег мы не знаем, так пролейте ее щедро и не жалейте ни о чем, что было и будет в этот вечный вечер – в вечер, что на миг дольше вечности, что в день страшной битвы на заре мира исторгнут из сердца богов и навсегда, в тяжелой жалости, в темный пир и черное утешение, навсегда дарован вам.

Разноголосые крики и шум соединились с последними словами, небо было уже совсем черным, и, опустив глаза, я уже никого не увидел на камне, ветер с моря колебал дым от костров, треск перевернутых столов и звон падающей утвари, взвизг вынимаемых из ножен мечей слышались отовсюду. На приближающийся звук вместе со всеми я оглянулся – темная масса людей с мечами и топорами, опрокидывая

скамьи и котлы над потухшими кострами, двигалась с другого конца равнины, люди с мечами, одетые и голые по пояс, перепрыгивая через столы, побежали им навстречу, первые звуки – заполошный вой, хрипы и визги зарезанных донеслись из тьмы, в один миг свалка достигла поляны и ближних столов, косматый великан в разодранной пополам рубахе, схватившись с седым человеком, только что говорившим со мной, отбив занесенный меч, взмахом щита рассек ему горло, потные тела вокруг – одни, другие, в тесной свалке воя и крича, высоко задирая взмах, кого-то рубили топорами, в темноте что-то трещало, под ударами копья кто-то ужом извивался на траве.

Люди с мечами, без кольчуг и шлемов, кинулись на деревянные щиты, кто-то колот их в бока ножами и копьями, веснушчатый паренек со шрамом во всю щеку, упав на землю, под штопающими ударами пик, изгибаясь, вытянутой рукой, концом меча, зажатого в ней, пытался достать напоследок кого-то из добивавших; могучий пожилой боец, увидев спрыгнувшего со стола такого же опытного ветерана, изготовился было сразиться с ним, с мгновенно отрубленной кем-то рукой он завалился набок, другие с заполошными криками бросились вперед вместо него, несколько могучих людей с огромными топорами, перепрыгнув через столы, бросились рубить всех, кто кинулся на них, словно боясь чего-то не успеть – двое из них, внезапно заметив друг друга, на секунду остановившись в замешательстве, тут же, повернув-

шись, зачем-то ринулись друг на друга.

В бычем мычании и мальчишеских визгах, с закатанными в торжестве и в беспамятстве глазами, вспарывая насквозь друг друга, старые и молодые бились на просеянном искрами огромном пространстве, ветер разносил искры по полю, вздымая костры факелами, красными бликами освещающая снующие и бьющиеся мечи и перекошенные лица, запрокинутые с разрезанными кадыками головы, сидящих на земле людей, красными ладонями зажимавших разрезанные животы, придерживая вываливавшиеся внутренности, изрубленные топорами спины павших ничком, топчущиеся со всех сторон, истово упирающиеся в разъезжающуюся глину ноги навалившихся, нажимающих, режущих, бьющих, кромсающих друг друга людей.

В штопаном бушлате и с пустыми руками, не зная, на что смотреть и куда поворачиваться, я стоял посреди бойни, не понимая, почему никто не нападает на меня.

Бой казался скоротечен, уже последние, с размаху нагибаюсь, мечами добивали лежащих на земле, что-то необычное, странное происходило одновременно – вдруг, словно уловив странный звук неслышимых труб, еще повсюду видя убийство, я вдруг увидел, как распластанные, поверженные, тут и там рассеянные по полю, вдруг заново начинали шевелиться; упавшие навзничь, открывая глаза и глядя в черное небо, лежа, раскинув руки, словно что-то получая от окружающей черноты, сперва неправильно, с трудом, а затем вдруг легко

и быстро поднимались с земли – порой схватывая протянутые им кем-то руки и лишь несколько первых шагов пройдя в обнимку, затем так же распрямляясь и уже отчетливо, не шатаясь, легко и в полный рост шли к столам, валясь на скамьи, крича и обнимаясь с сидевшими там, загораясь и оживая глазами, что-то упоенно быстро говоря среди таких же неестественно искривленных, оживленных, освященных сиянием лиц.

Сам собой пир завязался снова, снова вспыхнули огни и закипела еда в котлах, снято и отброшено было оружие, все перемешалось, скоро ни убитых, ни раненых не было на земле, люди, только что рубившие и кромсавшие друг друга, в тесноте, зажмурясь, привалясь к плечу плечом, жадно драли с костей мясо, слепо смеясь, вместе пели, уткнув головы в чан с хмельным – обернувшись, я увидел, как человек, расспрашивавший меня, и великан, разрубивший ему горло, крепко обнявшись, то ли смеялись, то ли плакали над столом, человек с отвердевшим шрамом у кадыка, торопясь, задыхаясь, что-то рассказывал великану, быстрые, крупные слезы с его щек падали в хлебные корки на столе, лилось в кружки и мимо кружек вино.

Странное ощущение горького счастья было разлито в воздухе; зная, что еще ничего не сделал, но отчего-то чувствуя себя единым целым с этим темным, безнадежным, жалким, навеки неприкайнным братством, зачем-то подобрав с земли нож, я нашел свободное место на скамье; сев и опрокинув

кружку с чем-то терпким и не почувствовав вкуса, подняв голову, я смотрел на колышущееся вокруг человеческое море, на темно бьющих себя в груди и что-то кричащих людей, на не слушающих их, большеруких обветренных людей с изрезанными лицами, словно запертых навек в собственном горе, на скромно смотрящих, выглядящих почти застенчивыми молчаливых тихих людей с насмерть врезанными страшными татуировками на руках, на изрубленных юношей с дешевыми браслетами и цепями, на простые, безыскусные лица, полные отрешенности и веселья.

Новым светом вспыхнули костры, легкие силуэты дев показались между столами, свободно сплетаясь с сидящими и садясь на колени, соединяясь – брови с бровями, щеки с щеками, колени с коленями; тяжелый гул похоти покати́л над суматошливым ристалищем, густой мрак Вакха, словно слетевший, памятный по тяжелым, пахнущим пылью альбомам репродукций из отцовской библиотеки, накотив, накрыл меня; уже видя, что кипело и пылало на скамьях, на столах, под столами и вокруг, понимая и принимая все это, но так же пронзительно, обреченно, безошибочно понимая, насколько *это* не принимает и отторгает меня, резко встав и развернувшись, я быстро пошел к берегу; уже дойдя до раскидистого черного дерева, я вдруг услышал, как кто-то окликнул меня; стараясь как можно быстрее оказаться там, на берегу, у брошенной лодки, нехотя я обернулся – высокая черноволосая девушка в длинном плаще и грубой воинской одежде,

казалось, только что сошедшая с коня, легкой тенью метнувшись куда-то в сторону, быстрым торопливым шагом шла ко мне – почти пробежав последние несколько шагов, встав и загородив мне путь к морю, каким-то легким неодолимым движением развернув меня к себе, придвинувшись ко мне, взяв меня за плечи, она приложила свой лоб к моему лбу – оттуда, из нее в меня потекли легкие, горячие, озаренные слова.

– Если хочешь уходить – уходи, но тебе незачем уходить. Я знаю тебя – до последнего удара сердца, до последней дрожи страха, до последней жилки стыда, до последней капли того, что ты прячешь от всех и что так много значит для тебя, а на самом деле ничего, ничего не значит.

Я смотрю в твои глаза – в глаза воина и в этих глазах вижу глаза тысяч других воинов, но для меня есть ты один – от этого мига и до последнего вздоха, которого не будет, – не бойся держать меня, не бойся трогать меня, не бойся раздеть меня и взять меня, я сама возьму тебя, я примирю твои тело и душу, я дам последнее, что тебе не достает – чтобы чувствовать себя мужчиной – хоть ты давно мужчина, – я пойму твою похоть и утолю эту похоть, я утолю твою любовь, если она будет, а когда я увижу, что мое тело и мои ласки тебе наскучат, я сама найду новых и жгучих девушек для тебя, а когда наскучат эти, найду новых.

От кончиков пальцев на ногах до последнего движения сердца я буду твоей.

Под любым гнетом и любой угрозой я буду говорить правду для тебя, не побоюсь гнева, а если он настигнет – вынесу его и не попрекну тебя ни словом, а потом, если время пройдет и горькие часы и горькие времена настанут, едва ты оглянешься – ты увидишь меня.

Никогда, нигде ни одного плохого слова о себе ты не услышишь от меня, даже если небо упадет на землю и солнце перестанет светить – все равно я буду любить тебя, мы все несчастны, мы все недолюбленные, но я долюблю тебя за всех.

Если ты полюбишь меня – я научу тебя летать, как умею летать сама, если нет – стоя за твоим плечом, я буду оберегать тебя – я твои глаза и твой меч.

Я разгадаю любой гнусный замысел, направленный против тебя, посмеюсь в глаза тому, кто посмеет говорить со мной о ревности, в вечности и в бесконечности я буду беречь тебя и любить тебя – беречь и любить, как умеют только дочери Севера – верь мне, иди ко мне, люби меня, бери меня, пожалуйста, останься, останься, останься со мной.

Ее руки раздевали меня, а мои руки раздевали ее, и в этот миг я почувствовал, что все страшное, невыносимое, стыдное, терзающее, что было во мне, быстрыми обильными слезами, единым быстрым чистым потоком покинуло меня, и когда я вошел в нее и единым неразрывным объятием мы соединились с ней и как бы взяв меня за руку, жгучим лучистым, тягучим путем легко и несуетно она повела меня, я

почувствовал, что ничего от мира, пытавшего и мучившего меня, не осталось во мне, а был лишь другой мир, неведомый и манящий, в котором, ничего не зная о нем, забыв обо всем, я хотел в этот миг остаться навсегда.

Глава 2

Жесткий ветер с моря и пустая песчаная береговая полоса.

Утро словно нехотя вставало над островом, небо без птиц было мутным и светло-серым, смутный полушебутной лагерь то ли спал, то ли дошумливал – еле слышно – где-то там, за скосом холма, на равнине – невидимый и словно не ощущаемый отсюда – в свете ясного дня неожиданно четкими казались горы, вершины которых терялись где-то в небесном тумане, и скрипел под сапогами песок.

Не было девушки, которая вчера любила меня, и не было дерева, под которым она меня остановила – оглянувшись, я увидел лишь черный сгоревший остов, – смутно помня, как ночью дерево вдруг вспыхнуло над нами, утром, проснувшись – один, я увидел лишь черные головешки у себя на груди и на форме, валявшейся поодаль – теплые и безопасные, таившие искры лишь глубоко внутри, они не сделали ни прорех на ткани, ни ран на коже.

Мимо все так же тершегося о берег длинного черного корпуса лодки я шел – то по сухому, то по влажному песку – к похожему на огромную наковальню носовому отсеку лодки – туда, где темной мелкой группой стояло несколько человек.

Сразу было видно, что стояли они давно, и сразу было видно, что больше они никого не ждут – мое приближение

было замечено несколькими брошенными издали взглядами и почти не осознано – как некая неожиданная мелочь, странное необязательное прибавление к чему-то, что было уже давно ясно понято и до предела осмыслено.

Семь человек, подчинившихся приказу – из сорока двух членов экипажа, семь человек, зачем-то пришедших с рассветом в условленное место, как приказал Вагасков, – и тридцать пять других – для которых уже не существовало никаких приказов, которых мир, полуспавший сейчас за срезом холма, принял, отогрел, отмыл от всех тягот, приласкал, успокоил и оставил частью себя навсегда.

Сухой песок под ногами, резкий ветер, высокое небо, неясность и, наверно, бессмысленность нашего присутствия тут – и десяток человек в черной форме гитлеровских кригсмарине – чуть поодаль в смутной серой дымке, у покосившегося остова эсминца с пробитым носом.

Статный седой Локи шел по песку властно и по-хозяйски неторопливо – словно не видя перед собой ничего кроме бескрайнего серого моря, он остановился в полуста шагах от нас – небрежно, но твердо сделав знак одновременно приблизиться и нам, и немцам – ожидая, пока мы подойдем, он бросил взгляд в небо, где чугунно-серые тучи чуть расступились, дав место между собой мутно-переливчатому светло-серому пятну, дававшему чуть больше света, чем зажимавшие его со всех сторон твердо-серые массы.

Увидев, как, подойдя, мы остановились молча – кто глядя

вдаль, в сторону моря, кто – ковыряя носком сапога серый песок – все теми же двумя группами, не смешиваясь, по разные стороны от него, – он сухо перевел взгляд с Вагаскова на офицера, возглавлявшего немецкий отряд, и обратно.

– В сущности мне мало что осталось, – произнес он, – ваши люди уже там и им не нужно никаких речей. И, признать-ся, я не понимаю, зачем вы взяли сюда этих. От вас требуется лишь то, что положено вождям от века – пожать друг другу руки, обняться и тем подтвердить слияние с братством. Это ни у кого не занимало много времени. Сделайте это и больше от вас ничего не будет нужно.

Легкий ветерок пробежал по песку – пролетев неожиданно низко, он чуть шевельнул сухую ветку, лежавшую к нему боком, и забросил несколько песчинок мне на сапог.

Мельком взглянув на немецкого офицера, словно вовсе не собираясь рассматривать его, а лишь машинально проверяя его присутствие, Вагасков, с легким удивлением посмотрев на Локи, пожал плечами и снова уткнулся взглядом в песок.

– Обняться с ним? Это невозможно.

Мгновенье без выражения Локи смотрел на него.

– Почему?

– Это будет комедией, по крайней мере, для меня. Мы не можем быть в одном братстве.

– Вы, воин, принесший высшую жертву, с другим воином, также принесшим высшую жертву, не желаете быть в одном братстве?

– Нет, хоть дело и не в моем желании. Это невозможно.

На секунду задумавшись и словно отложив на будущее какой-то вопрос, Локи повернулся к германскому офицеру.

– Что скажете вы?

С руками, заложенными за спину, немец мельком взглянул на Вагаскова.

– В каком вы звании?

– Капитан-лейтенант.

– Капитан-лейтенант прав. Примирение, а тем более объятия вряд ли возможны.

– И вы также не станете объяснять почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.